

• ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ •

Морис Бланшо:
Голос,
пришедший
извне

Новое
Литературное
Обозрение

2023

УДК 821.133.1
ББК 83.3(4Фра)
Б68

Редактор *Т. Вайзер*

Б68 Морис Бланшо: Голос, пришедший извне / Сост., пер. с фр. В. Лапицкого. — М.: Новое литературное обозрение, 2023. — 176 с. (Серия «Интеллектуальная история»)

ISBN 978-5-4448-1987-6

Морис Бланшо (1907–2003) — один из самых влиятельных и оригинальных мыслителей XX века, оставивший после себя богатое художественное и философское наследие. В свою последнюю прижизненную книгу Бланшо включил четыре работы, охватывающие четыре десятилетия его творческого пути и посвященные писателям и мыслителям, с которыми его связывали тесные узы личной и интеллектуальной дружбы: Луи-Рене Дефоре, Рене Шару, Паулю Целану и Мишелю Фуко. В настоящее издание в качестве дополнения вошли также оммажи Бланшо другим его единомышленникам — Морису Мерло-Понти, Жаку Деррида, Сэмюэлю Беккету и Денису Масколо; кроме того, в книгу включена одна из важнейших ранних работ Фуко, вписывающая творчество Бланшо в широкий историко-философский контекст.

УДК 821.133.1 + 1(091)(44)«19»
ББК 83.3(4Фра)6 + 87.3(4Фра)6

В оформлении обложки использован фрагмент коллажа
«Чайная роза» Курта Швитгера. 1924 г.
Рейксмузеум, Амстердам / Rijksmuseum Amsterdam.

Maurice Blanchot

UNE VOIX VENUE D'AILLEURS

© Éditions Gallimard, Paris, 2002

«Discours philosophique», «Grâce (soit rendu) à Jacques Derrida»,

«Oh tout finir», «Pour l'amitié» in *La Condition critique*. Articles 1945–1998

© Éditions Gallimard, Paris, 2010

Michel Foucault «La Pensée du dehors» (n°38 in *Dits et Écrits* I. 1954–1975, édition établie sous la direction de Daniel Defert et François Ewald avec la collaboration de Jacques Lagrange). © Editions Gallimard, Paris, 1994, 2001

© В. Лапицкий, составление и перевод с французского, 2023

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

Содержание

Морис Бланшо. Пришедший не отсюда голос

Анакруза (О стихотворениях Луи-Рене Дефоре)	8
<i>Пришедший не отсюда голос</i>	8
<i>Белое Черное</i>	13
<i>Анакруза</i>	16
Животное из Ласко	25
Последний говорит	36
Мишель Фуко, каким я его себе представляю	63
<i>Человек в опасности</i>	65
<i>Прощай, структурализм</i>	66
<i>Требование прерывности</i>	69
<i>Знание, власть, истина?</i>	71
<i>От подчинения к субъекту</i>	73
<i>Внутренняя убежденность</i>	76
<i>Кто сегодня я?</i>	77
<i>Общество крови, общество знания</i>	78
<i>Смертоносный расизм</i>	81
<i>Страсть говорить о сексе</i>	82
<i>О, мои друзья</i>	84

Дополнение

«Философский дискурс»	88
Благодаря Жака/у Деррида	95
Ох всё окончить	104
За дружбу	107

Приложение

Манифест 121	122
<i>Мишель Фуко. Мысль извне</i>	126
<i>Виктор Лапицкий. Голос, пришедший извне</i>	154

Морис Бланшо

*Пришедший
не отсюда голос*

Анакруза

О стихотворениях Луи-Рене Дефоре

Пусть в нем никогда не смолкнет голос ребенка, пусть струится как дар небес, освежая зачерствелые слова сверканием его смеха, солью его слез, его безудержностью, перед которой ничто не может устоять.

Луи-Рене Дефоре. Из «Остинато»¹

Пришедший не отсюда голос

Когда я жил в Эзе [Èze], в маленькой комнатке (увеличенной двумя видами из окон: один — на Корсику, второй — за мыс Ферра), где я зачастую обретался, на стене висело (висит и сейчас) изображение той, кого называли «Незнакомка из Сены», девушки-подростка с закрытыми глазами, но живой из-за настолько тонкой, настолько счастливой (и, однако же, прикровенной) улыбки, что вполне можно было подумать, будто она утонула в мгновение предельного счастья. Такая непохожая на его произведения, она до того пленила Джакометти, что он разыскивал молодую женщину, готовую заново испытать это блаженство в смерти.

Я упоминаю об этом образе из некоей сдержанности, дабы не исказить навязчивый характер стихотворений

1. [Здесь и далее выделенные и не выделенные кавычками и курсивом цитаты из текстов Дефоре даются по изданиям: *Дефоре Л.-Р.* Болтун. Детская комната. Морские мегеры / Пер. с фр. М. Гринберга. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007; *Дефоре Л.-Р.* Ostinato. Стихотворения Самюэля Вуда / Пер. с фр. М. Гринберга. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2013; в нескольких случаях предлагаемое Бланшо прочтение повлекло точечные изменения в переводах. Квадратными скобками здесь и далее вводятся примечания переводчика.]

Самюэля Вуда — Самюэля Лафоре, Лесного¹, — в которых среди ночных сновидений вновь и вновь возникает детская фигура, то улыбающаяся среди астр и роз, где стоит «залитая светом своей прелести», или держит на весу свечу, которую, кажется, против воли задувает, чтобы незаметно пропасть из виду. *«Она появляется только во сне, / Слишком прекрасная, чтобы унять нашу боль»*, напротив — ее усугубляя, потому что она здесь лишь в сновидении, да и присутствие ее, как мы знаем, обманчиво. Обманщица?

«Нет, она здесь, она с нами, здесь, / Пусть сон опять лжет, что нам в том».

Лучше уж потерять осмотрительный рассудок и разрушить дневную мудрость, которая стремится разрушить *«чудесные грезы, пронзающие нас / Такой же дрожью, какую внушает / Лицо, где разливается смерть»*. *«Она с нами, засыпающими лишь для того, / Чтобы увидеть ее».*

Так продолжают нескончаемую битву сон и рассудочный день.

«Да, сон, но есть ли что-нибудь реальнее сна?», и как выжить без сновидений, *«в которых ребенок, / Подчиняясь притяжению знакомых мест, / Приходит в сад, где цветут розы, / И каждую ночь озаряет нашу спальню / Пламенем своей чистой души, / Принося его нам как дар и как мольбу?»*

«И все-таки: женщина, что сидит на окне, / В разных снах одна и та же, — кто она? Что означает / Знак, который она подает рукой в красной перчатке?» И если заставить себя проснуться, чтобы расспросить ее — и потерять, она тут как тут, возвращается ночь за ночью, в другом окне, сидящая в той же позе.

Эта фигура тревожит меня, потому что я тоже встречал ее, но днем, дневной и призрачной. Посланица Меланхолии, так похожая на видение, о котором в «Повороте винта» повествует Генри Джеймс, неподвижная, как виноватая

1. [Имеется в виду подразумеваемая псевдонимом писателя игра слов: фамилии *Вуд* и *Лафоре* по-английски и соответственно по-французски означают *лес*; фамилию Луи-Рене, *des Forêts*, на русский можно перевести как *Лесной*.]

женщина, чуть отвернувшись, чтобы мы могли ускользнуть от воспоминаний о собственной нашей вине.

Слишком реальные, чтобы длиться, фигуры.

И тогда-то вмешивается пререкание и избочивает ловушку: *«Все эти сны были ошибкой забвения»*. Запрещено «не знать законов природы» и делать вид, что пересилил смерть. Самюэль Вуд или его двойник произносит приговор: *«Неустрашимый разрыв. Учтем. / Будем несчастны до конца наших дней»*.

Но тогда внезапно подступает другое искушение: почему бы не порвать со всем, что нас держит, и не шагнуть к ней в смерти, через смерть не только приемлемую, но и призываемую, *«выбранную как совершенная форма молчанья»?*

Или в иной, не менее реалистичной перспективе, почему не дожидаться, пока память не ослабнет, не перестанет *«страдать, перестав видеть, как она / Приходит к нам благосклонной ко встречам ночью»?*

Искушение, отвергаемое «непреклонным подростком», которого мы некогда, в «Обезумевшей памяти»¹, узнали и который выносит беспощадный приговор.

«Ничто, соединяясь с ничем, ничего не рождает».

И снова работа во всей строгости, и в ней не приносит успокоения даже забвение того, что зовется забвением, — но способствует, чтобы выжило что-то иное, бесконечно более темное требование: *«Нежность, которая перехватила горло, / Долг неустанной, недремлющей дружбы»*.

«Долг недремлющей дружбы». Как тревожат нас эти такие простые, такие красивые слова. Каковы бы ни были возражения, колебания, из-за которых *«боязнь и влечение здесь нераздельны»*, молчать более не дозволяется. Ты должен говорить (даже если в говорении всегда либо слишком много, либо слишком мало смысла). Едва принято это решение, возвращается «ты должен замолчать»: *лучше «в беспорядке оставить листы на столе». «Само молчанье о том свидетельствует лучше слов, / И любые слова, как мы сами, бранны»*. Поговорим, однако, ибо нам не дано иных инструментов,

1. [Рассказ из «Детской комнаты».]

нежели наши слова, которым мы *«во всем подчиняемся, ибо, /
Даже чтоб замолчать, нужно пройти сквозь них».*

И вот тут-то сновидец окликает фигуру, которая ссужает ему свое прозвище и тем самым от него избавляет. *«Самюэль, Самюэль, — хоть нет доказательств, что скрыт / Живой человек под этим именем, — твой ли / Я слышу голос, что, словно со дна могилы, / Моему приходит на помощь в борьбе со словами, / Откликается эхом его ничтожным усилиям?»*

Ответ лежит в каждом из нас, и мы знаем, что вблизи смерти должны все еще *«бдеть в молчании»*, привечать тайную дружбу, благодаря которой становится вянутен некий не отсюда пришедший голос. Тщетный? Возможно.

Не все ли равно? То, что нам ГОВОРИЛО, будет говорить нам всегда, как не перестает слышаться (не это ли и есть вечность?) угасающий финальный аккорд *«Квартета на конец времени».*